

Вошедший держал в руках деревянный поднос, на котором стояли две маленькие тарелки и миска с крышкой. В воздухе тут же разлился лёгкий аромат рисового вина. Однако одежда у вошедшего была удивительно тонкой!

— Брат? — Это был Ван Цзюэ. Мальчик надел лишь ватную куртку и штаны, на ногах — большие ватные туфли, а тёплой верхней одежды с мехом на нём не было вовсе.

— Ты как сюда попал? — Вэнь Жунь тут же вскочил с места. — Зачем сам пришёл? Можно было прислать кого-нибудь! Уже так поздно, почему не спишь? В твоей комнате холодно?

Он ведь только что проверял комнаты второго и третьего брата: каны были горячими, печные стены — тёплыми, а в печах лежало столько угля, что хватит на всю ночь. Да и дымоходы вели наружу, так что бояться отравления угарным газом не стоило.

Ах да, здесь это называли не «угарным газом», а «отравлением угольными парами» (таньци чжунду).

— Я увидел на кухне ночную еду, а в библиотеке до сих пор горит свет — вот и пришёл, — пояснил Ван Цзюэ. На самом деле он побоялся, что тётя Чэнь Цян или тётя Цуйхуа придут сюда так поздно — это могло повредить репутации «братца-мужа». А Чэнь Сюй выглядел уже совсем взрослым юношей... Поэтому Ван Цзюэ решил перестраховаться и принести всё сам.

— В такую стужу и так поздно — больше так не делай! — Вэнь Жунь принял поднос и усадил мальчика на кан у себя в библиотеке. — Простудишься — опять придётся пить горькое лекарство.

На кане стоял низкий столик — Вэнь Жунь поставил на него поднос.

Ван Цзюэ снял обувь и аккуратно уселся на кан. Маленький, но уже очень серьёзный юноша — сидел прямо, как подобает воспитанному мальчику.

Вэнь Жунь тоже забрался на кан. На подносе оказались две маленькие тарелки: на одной — несколько ломтиков вяленой свинины, на другой — целая головка маринованного чеснока в сахаре, а в миске под крышкой — клёцки в сладком рисовом вине.

— Ты уже ел? — спросил Вэнь Жунь, заметив, что клёцек всего одна порция.

— Да, нам дали куньтунь (пельмени) в костном бульоне, — ответил Ван Цзюэ, слегка поджав губы. — Тётя Цуйхуа сказала, что нам это есть нельзя.

— Правильно, — кивнул Вэнь Жунь. — Вам ещё рано такое есть. Подождёшь до пятнадцати лет — тогда и будешь есть.

Ведь в этом блюде всё-таки чувствовался лёгкий привкус алкоголя — не для детей.

Сказав это, Вэнь Жунь принялся есть, а ломтики свинины подвинул поближе к Ван Цзюэ:

— Ты вот это ешь.

— Хорошо! — Ван Цзюэ обрадовался: это он очень любил. Взял ломтик и с удовольствием откусил. — Братец, зачем так поздно сидишь над счетами?

Он ведь видел, что «братец-муж» сидел именно над бухгалтерской книгой.

Ту самую книгу он узнал — на обложке чётко было написано: «Главная книга».

Дома ещё были и «малые книги» расходов, всё это вёл сам Вэнь Жунь. Ван Цзюэ пока не умел вести учёт и разбираться в счетах.

— Просто сверяю расходы, — объяснил Вэнь Жунь. — Скоро Лахуэй (двенадцатый лунный месяц), надо готовиться к Новому году. У нас теперь много земли, в следующем году сдадим её в аренду — появится постоянный доход. Да и подарки, что я привёз из уездного города, тоже надо обдумать: кому и что в ответ подарить.

Услышав про ответные подарки, Ван Цзюэ сразу занервничал:

— Надо ещё и дарить в ответ?!

— Обмен подарками — это правило вежливости, — усмехнулся Вэнь Жунь, — иначе получится «мёртвая дверь» — никто больше не захочет с нами общаться! В будущем так не думай, нельзя быть скупым.

— Но братец, — щёки Ван Цзюэ покраснели от волнения, — у нас же нет столько хороших вещей для ответных подарков! И состояния такого нет!

Что люди дарили?

Кроме денег — разные ценные вещи. Вот хотя бы тот же набор «четырёх сокровищ учёного» (кисть, тушь, бумага, чернильница): один такой стоил как минимум тридцать-пятьдесят лянов серебра! А на эти деньги вся семья могла прожить два месяца!

И таких наборов подарили не один...

Маленькая голова Ван Цзюэ была полна расчётливых мыслей.

— Я как раз и думаю, как быть, — спокойно ответил Вэнь Жунь. — Если возвращать подарки по стоимости — нам точно не потянуть.

Он и не собирался возвращать эквивалентную стоимость — на это у него просто не хватило бы денег.

— Тогда что делать? — Ван Цзюэ даже вздохнул, несмотря на юный возраст. — Если не отдариться, нас будут осмеивать?

— Конечно, будут. Но и в ответных подарках есть свои правила. Не волнуйся, этим займусь я, — Вэнь Жунь доел клёчки, и по всему телу разлилось приятное тепло. — Ладно, беги спать! Если не выспишься — не вырастешь!

— Братец опять обманывает! — Ван Цзюэ спустился с кана и начал натягивать туфли. — Я никогда не слышал такого!

— Зато теперь услышал — от братца! — засмеялся Вэнь Жунь, убирая посуду обратно на поднос. — Я отнесу это на кухню, а ты беги в комнату. В следующий раз, когда выйдешь ночью, обязательно накидывай меховую шубу — а то так замёрзнешь!

— Мне не холодно, — возразил мальчик, хотя на самом деле ему и правда было тепло — просто Вэнь Жуню казалось иначе.

Вэнь Жунь взял две меховые шубы: одну надел сам, а второй укутал Ван Цзюэ. Мальчик осторожно держал край, боясь, что шуба волочитя по земле и испачкается.

В руке Вэнь Жунь держал маленький фонарик — в доме не расточали на роскошь вроде повсюду висящих фонарей, так что без фонаря в темноте не обойтись.

На улице уже посыпался снег — мелкими хлопьями.

Сначала он отвёл Ван Цзюэ в его комнату — там было тепло. Затем заглянул к Ван Цзиню: малыш уже спал, но умудрился сбросить одеяло — ему было жарко.

Вэнь Жунь аккуратно укрыл его, ещё раз проверил печку — угля хватит на всю ночь — и вышел.

Когда он донёс посуду на кухню, там оставалась только тётя Цуйхуа. Она уже почти всё убрала, осталось лишь вымыть его тарелки — и можно ложиться спать.

— Господин, — тётя Цуйхуа взяла поднос и проворно начала мыть посуду.

Вэнь Жунь оглядел кухню: всё было чисто и прибрано, а на завтрашнее утро уже подготовлены ингредиенты — осталось только бросить в котёл.

— Занимайся, я схожу к Ван Мэй. Если всё в порядке — отдыхай, — сказал Вэнь Жунь. Видя, что тётя Цуйхуа вполне довольна своей работой, он не стал её задерживать и вышел.

Ван Мэй жила в заднем флигеле. У неё была отдельная комната, но девочке было слишком мало лет, чтобы жить одной, поэтому сейчас она временно спала вместе с женой Чэнь Цяна и тётей Цуйхуа.

Подойдя к двери, Вэнь Жунь вежливо постучал. Жена Чэнь Цяна открыла — и удивилась:

— Господин?!

Она думала, что это вернулась тётя Цуйхуа. Ведь «господин» никогда не приходил сюда ночью.

— Я просто заглянул к барышне. Она уже спит? — Вэнь Жунь не стал заходить внутрь, оставшись на пороге.

— Да, спит. Барышня сказала, что завтра хочет мясные пирожки на завтрак, я пообещала — и уложила её, — жена Чэнь Цяна не знала, пускать ли его или нет.

К счастью, Вэнь Жунь и не собирался входить. Он тихо сказал:

— Тогда я не буду заходить. Отдыхайте пораньше, не дайте печке погаснуть — сегодня ночью, кажется, будет сильный снегопад.

— Да! — серьёзно кивнула жена Чэнь Цяна.

Только после этого Вэнь Жунь накинул шубу, взял фонарик и пошёл обратно.

В густой ночи свет его фонаря был особенно заметен.

В это время как раз вернулась тётя Цуйхуа и, увидев удаляющуюся фигуру с фонарём, спросила:

— Господин навещал барышню?

— Да! — улыбнулась жена Чэнь Цяна, впуская её. — Барышня уже спала, так что господин не стал её будить. Просто велел нам следить за печкой.

— Хорошо, — кивнула тётя Цуйхуа, входя в комнату и сразу же понизив голос. — Ночью я всё равно встану проверить печку. У барышни здоровье слабое — надо беречь.

На их кане спокойно спала маленькая Ван Мэй.

Девочка крепко спала в тёплом одеяле, лицо её было спокойным и безмятежным.

Днём она тоже ходила учиться вместе с детьми младшей группы. В младшей группе Вэнь Жуня было несколько девочек, но все они были ещё совсем маленькие.

Впрочем, Вэнь Жунь и не надеялся, что из них вырастут великие поэтессы или умницы. Главное — чтобы не остались «неграмотными».

Ведь в это время даже умение читать и писать у женщин считалось большой редкостью и достоинством!

Хотя бы базовая грамотность давала им преимущество: в будущем можно будет выйти замуж в хорошую семью.

А в дальнейшем Вэнь Жунь планировал поручить жене Чэнь Цяна обучать девочек рукоделию. Та отлично шила и умела вышивать разные узоры.

Вышивка девочек тоже могла приносить немного денег — на мелкие расходы. Да и работа эта не слишком утомительная.

— Господин так заботится о барышне, — с теплотой сказала жена Чэнь Цяна.

— Господин действительно тревожится за неё, — тётя Цуйхуа аккуратно разделась и забралась на кан. При свете свечи она с нежностью посмотрела на спящую Ван Мэй. — Ведь в семье всего одна девочка.

И правда: в семье старого Вана, если считать Ван Цзюня и Вэнь Жуня, было четверо мальчиков — и только одна Ван Мэй.

Две женщины ещё немного пошептались и постепенно уснули.

Ночью тётя Цуйхуа проснулась и специально проверила печку — огонь немного утих, и она подбросила ещё угля.

Благодаря этому до самого утра в комнате стояло приятное тепло.

А Вэнь Жунь утром обнаружил, что за окном всё белым-бело.

Ночью снег был ещё слабым, но за ночь даже мелкий снегопад успел заметно подрасти.

Солнца не было видно — лишь пронизывающий ветер и кружившие в воздухе снежинки. Погода резко похолодала.

На завтрак в доме подали паровые пирожки на пару, хрустящие юйтяо (жареные палочки) и сладкое соевое молоко. Свежее горячее молоко рано утром Лю Лаосы специально сбегал в дом «Тофу Лю» (его родственников) и купил две большие бадьи за десять медяков.

В молоко добавили по две большие ложки сахара — сладкое, вкусное и хватило на всю семью!

Однако, увидев, как ученики бегут в школу сквозь метель и вьюгу, Вэнь Жунь задумался об отпуске на зимние каникулы. Но потом вспомнил: крестьянские семьи работают круглый год. Даже зимой у них полно дел. Дети могут приходить на занятия только потому, что дома остальные члены семьи берут на себя их работу. А уж во время уборки урожая каждая семья работает так, будто «ноги бьют по затылку» от спешки.

Поэтому мысль о каникулах он тут же отмёл.

На утреннем занятии он проверил уровень знаний учеников. К счастью, почти все уже знали иероглифы, хотя писали ещё не очень бегло.

— Дома тоже усердно тренируйтесь, — напомнил он.

— Есть, учитель! — хором ответили дети.

Вэнь Жунь раздал каждому счёты:

— Утром будем заниматься литературой, а днём — математикой. Сегодня начнём с «Цзю чжан суань шу» и учиться считать на счётах. В будущем вы обязательно должны уметь считать!

В это время слишком много людей были совершенно «неграмотны в цифрах»!

Дети обрадовались.

Утром прошёл урок китайского: Вэнь Жунь просто рассказал «Саньцзыцзин» («Трёхсловник») — обязательный для всех курс.

В обед каждому дали миску мясного бульона и пять пирожков с финиками. Насытившись и

немного отдохнув, никто, впрочем, не лёг спать.

Днём Вэнь Жунь собрал всех на общее занятие — и начал обучать их арабским цифрам!

Он учил одновременно в трёх вариантах: традиционные иероглифы, упрощённые иероглифы и арабские цифры. И добавил:

— Эти арабские цифры — наше особое знание. В будущем, когда будете вести записи или счета, кроме вас самих, никто не сможет их прочитать. Поняли?

Дети взволновались, щёки у них покраснели, и они энергично закивали.

Это же «тайное учение учителя»!

Вэнь Жунь остался доволен. С детьми всё так просто: сказал — сделали. Со взрослыми пришлось бы объяснять «от и до», а тут — ни вопросов, ни сомнений.

Хотя, конечно, взрослым он бы и не стал этого учить!

— Хорошо, запомните, — строго сказал он. — Дома говорите, что учили арифметику, но ни в коем случае не упоминайте арабские цифры. Это знание ещё пригодится.

— Есть, учитель! — снова хором ответили ученики.

Зимой дни короткие, поэтому занятия закончились рано. Из-за снегопада Чэн Сань и другие заранее расчистили дорожку. В Ляньхуаао всего несколько домов — на уборку ушло полдня, зато теперь дети могли ходить безопасно.

За ужином Ван Цзюэ спросил Вэнь Жуня:

— Братец, а правильно ли мы учим твоё «тайное учение»?

— Правильно, — Вэнь Жунь даже не задумался. — Вы все прошли через моё начальное обучение, а значит, я — ваш учитель-наставник. Я передал вам своё особое знание — кто после этого посмеет не признавать меня своим учителем?

В древности отношения между учителем и учеником были куда крепче, чем в наше время!

Учитель обладал почти абсолютным авторитетом. В школе ученики кланялись перед табличкой Конфуция — «Величайшего Учителя», а дома поклонялись пяти священным началам: «Небо, Земля, Император, Родители, Учитель».

В народе считалось нормальным, если учитель наказывал ученика. Но если ученик поднимал руку на учителя — это уже расценивалось как мятеж против старших и нарушение основ общественного порядка.

Поскольку древние китайцы свято чтит ритуалы и конфуцианские нормы, такие поступки карались крайне строго. В «Старой книге Тан» даже есть записи: учеников, избивших учителя, часто приговаривали к тяжким наказаниям, а в особо тяжких случаях — даже к смертной казни.

Хотя, конечно, бывали и исключения: в истории немало примеров, когда императоры плохо относились к своим бывшим учителям...

Однако на официальном уровне ни один император не осмеливался открыто не уважать учителей, воспитывающих и просвещающих народ!

В частных школах древности у учителей было множество способов наказывать непослушных учеников. Можно было бить по лицу, рукам, спине, ногам — но чаще всего применяли деревянную линейку (цзе чи), которой хлопали по ладоням. Также широко практиковались наказания стоянием или стоянием на коленях. Самым унижительным и жёстким наказанием считалось «чи цюй» — порка по ягодицам, в народе называемая «чи цзяо» («наказание через порку»), или, по классическому выражению, «юй пу цзо цзяо» — «воспитание через бамбуковую палку», то есть простыми словами — порка по заду.

Более того, через систему государственных экзаменов ученики попадали на чиновничью службу, а при поступлении на службу по-прежнему большое значение имело происхождение учителя и, особенно, рекомендации «знаменитого наставника».

Поэтому в те времена «плодами и цветами» (то есть учениками по всей стране) славились чаще не обычные учителя, а именно главные экзаменаторы.

Таким образом, в ту эпоху принцип «уважения учителя и почитания Дао» на деле основывался не столько на духовной связи, сколько на должностном положении и власти. Взаимные обязанности и моральные обязательства между учителем и учеником становились всё более размытыми, уступая место чисто прагматическим, личным интересам.

Известные в истории примеры «почитания учителя и уважения к учению» относились вовсе не только к тем наставникам, которые просто «обучали чтению и разбору предложений» (то есть учителям начальной грамоты). Гораздо большее значение придавалось тем, кто «передавал Дао, передавал знания и разрешал сомнения» — то есть наставникам-менторам, формировавшим личность и мировоззрение.